

Frida Nilsson

Hedvig

och Sommaren med Steken

Illustrerad av Stina Wirsén

Natur & Kultur

Фрида Нильсон

ХЕДВИГ
и ночные жабы

*Иллюстрации Стины Вирсен
Перевод со шведского Марии Людковской*

Москва

Самокат

УДК 811.113.6=161.1(02.053.2)-31

ББК 84(4Шве)-44

Н66

Нильсон, Фрида.

Н66 Хедвиг и ночные жабы : [для младшего школьного возраста] / Фрида Нильсон; пер. со шведского Марии Людковской; ил. Стины Вирсен. — Москва : Самокат, 2020. — 240 с. : ил. — (Лучшая новая книжка). — Доп. тит. л. швед. — ISBN 978-5-00167-022-3.

Всё-таки каникулы — это целая жизнь! И здорово, когда появляется друг: со Стейком, даже когда очень страшно, — всё равно интересно. Вместе можно разведать, что делает странный сосед в доме за заколоченными окнами и кто по ночам так страшно кричит!

Фрида Нильсон — детская писательница из Швеции, написала свою первую книгу в 2004 году. Сейчас её книги переведены более чем на десять языков, и семь повестей уже вышли на русском. В серии о неутомной, любопытной и страшно изобретательной Хедвиг всего четыре части, «Хедвиг и ночные жабы» — третья, предпоследняя.

Ф. Нильсон — лауреат Немецкой детской литературной премии и премии им. Астрид Линдгрэн. За вторую книгу серии — «Хедвиг совершенно не виновата!» — в 2013 году она была номинирована на самую престижную шведскую литературную премию — Августа Стриндберга.

Hedvig och sommaren med Steken

Copyright © Frida Nilsson and Natur & Kultur,
Stockholm 2007

Illustrations © Stina Wirsén and Natur & Kultur,
Stockholm 2007

Published in agreement with Koja Agency

© Людковская М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-00167-022-3

ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

Сель Поп

У бабушки Хедвиг случился инсульт. Это бывает, когда в голове закупорится какой-нибудь сосуд. Короче, стояла она в комнате, гладила и вдруг — чофф — как упадёт. И лежит не шелохнется, как потухшая свечка. Примчалась скорая, а утюг так и остался на гладильной доске. Через четыре дня бабушка вернулась домой. Правда, испорченную доску пришлось выкинуть.

— А ведь почти новая была, — говорит мама.

Папа жмёт на кнопку с цифрой шесть. Шестой этаж, здесь живут бабушка и дедушка. Дом построен из бетона. Хотя на улице лето, в лифте прохлада и полумрак.

Лето у бабушки с дедушкой — это плевательный кисель, бабушкино коронное блюдо с давних пор, когда папа был ещё маленький.

Плевательный кисель варят не из слюней. Его варят из вишен с косточками. Поэтому за столом все сидят и плюются. Клинк, клинк, клинк! — звенят косточки о дно миски.

— Кто промахнётся, не получит пирога, — обычно говорит бабушка. Это потому, что от вишни на скатерти остаются ужасные пятна. Бабушка не любит пятна и не любит чумазных детей. Стоит Хедвиг немножечко испачкаться, как бабушка тут же вытирает ей рот кухонной тряпкой. Тряпка пахнет кислятиной, хуже не придумаешь. Но кисель у бабушки вкусный.

— А кисель сегодня будет? — спрашивает Хедвиг, распахивая дверь лифта так, что скрипят дверные петли. Она давно уже тут не была — после больницы бабушка целый месяц лежала дома и гостей не принимала.

— Послушай. — Мама садится на корточки. Она смотрит Хедвиг в глаза, немного тревожно и немного серьёзно. — Боюсь, бабушка

нам сегодня ничего не сварила, — говорит она. — Дедушка сказал, что после инсульта она изменилась. Стала кое-что забывать. Так бывает.

Мама хочет погладить Хедвиг по голове, но Хедвиг выворачивается. Ну не может быть, чтобы из-за какого-то инсульта человек забыл сварить кисель. Глупость, да и только.

Они звонят в дверь. Из соседней квартиры пахнет едой, чуть ниже по лестнице гроыхает крышка мусоропровода. Но вот замок поворачивается.

Им открывает маленькая старушка. Волосы свисают по плечам. На старушке затасканное грязное платье, ногти не покрашены.

— Вам кого? — спрашивает она. Это бабушка. Только узнать её почти невозможно.

Раньше она всегда встречала их в туфлях на каблуках. Спина прямая как струна, волосы стянуты в тугий пучок на затылке, ногти покрашены розовым лаком.

А эта старушенция шлёпает тапками, хотя уже давно не утро. Спина у неё больше похожа на гнилой огурец, стёкла очков заляпаны, и смотрит она через них на Хедвиг, папу и маму так, словно они ошиблись дверью.

— Привет, мам, это мы! — говорит папа.

— Привет, бабушка! — говорит Хедвиг.

Бабушка растерянно дотрагивается до подбородка.

— Мы знакомы? — спрашивает она. — Что-то вас не припомню.

Но тут в прихожую влетает дедушка.

— Милости просим!

Семейство тихо и неуверенно входит в дом и снимает ботинки. Дедушка подносит ладонь к губам, чтобы бабушка не услышала.

— Иногда она даже не узнаёт своё собственное отражение, — шепчет он.

Нет, этот инсульт знал, куда бить. Он закупорил слишком много проходов в мозгу. Таких, которые открывали доступ к воспоминаниям двадцатилетней и тридцатилетней давности. Теперь бабушка помнит только то, что надо чистить зубы, ну и всё в этом духе. Правда, как-то раз на прошлой неделе она взяла вместо зубной щётки рожок для обуви. Когда дедушка вошёл в ванную, она уже намазала рожок пастой и сунула в рот.

Дедушка указывает на обувной рожок у двери. Он пытается рассмеяться, но его глаза блестят. Дедушка кажется маленьким, хотя вообще-то он очень большой. Сейчас он похож на шарик, из которого выпустили воздух. И рубашки его уже много недель никто не гладил.

Хедвиг не знает, что сказать. Чувство такое, будто тебя ударили кулаком в живот. Только ещё хуже. Кулак — это понятно. А вот такое понять невозможно. Как это — бабушка, всегда такая чёткая и аккуратная, чистит зубы рожком для обуви?

— Может, она пошутила? — говорит Хедвиг.

— Может.

Дедушка немножко улыбается. Потом идёт вслед за бабушкой на кухню. На столе появляются кофейные чашки и блюдо со сдобной плетёнкой. Плетёнка запотела, и на внутренней стороне пакета видны мелкие капли.

— Отрезать тебе? — спрашивает папа бабушку.

Бабушка, не дожидаясь, отщипывает кусок и впивается в него зубами.

— О-о-о, вкусненько, — говорит она. — Сам, что ли, испёк?

— Мама, ну что ты, я же не умею, — отвечает папа.

— Ты не узнаёшь нас, Эстер? — спрашивает мама. — Совсем?

Она гладит бабушку по руке и старается говорить о чём-то таком, что бабушке может показаться знакомым. Она рассказывает, что у Хедвиг наконец начались летние каникулы и что на утреннике в честь окончания школы было тридцать градусов жары!

Бабушка заинтересованно слушает. Потом смотрит на Хедвиг.

— Сколько тебе лет, детка?

Хедвиг смотрит в стол. Она не хочет отвечать. Последний раз, когда они виделись, бабушка отлично знала, что ей девять. Что за идиотский вопрос.

Разговор иссяк. В большой комнате кукуют часы с кукушкой. В чашках гремят ложки.

Когда молчание слишком уж затягивает-

ся, мама залпом допивает кофе и обращается к дедушке:

— Эрнст-Хуго, а расскажи какую-нибудь историю из прошлого, что-то такое, о чём Эстер любит послушать. Вдруг она что-нибудь вспомнит?

Какая отличная идея, соглашаются все. И никому даже спрашивать не приходится, что это будет за история. Разумеется, та, что они слышали раз сто, не меньше. История про Семь Поп.

Давным-давно, в юности, бабушка работала на обувной фабрике. Целыми днями она сидела с пробойником в руках и пробивала маленькие дырочки для шнурков. У директора фабрики — довольно гнусного типа, который вечно ходил и проверял, не отлынивает ли кто из его подчинённых, — был сын примерно того же возраста, что и бабушка.

Этот сын был самым толстым человеком во всей Центральной Швеции — таким толстым, что протискивался в двери фабрики только боком, отчего работники тайком прозвали его Семь Поп.

Узнав об этом, директор с сынком запретили подчинённым произносить вслух слово «семь». Даже если ты считал обувь, всё равно говорить «семь» было нельзя. Вместо этого полагалось считать так: один ботинок, два ботинка, три ботинка, четыре ботинка, пять ботинков, шесть ботинков, шесть ботинков плюс один ботинок, восемь ботинков и так далее. Всем это казалось ужасной нелепостью, и поэтому шептаться про Семь Поп стало теперь ещё веселее.

А надо сказать, в молодости бабушка была так красива, что вторую такую красавицу и не сыщешь. Талия тонкая, как рукоятка метлы, носик маленький, зубы белые как сахар. И Семь Поп, разумеется, влюбился.

Дедушка замолкает и косится на бабушку. Видно, что эта история ей знакома, — она слушает с улыбкой и кивает в нужных местах. Дедушка воодушевлённо продолжает.

Каждый день Семь Поп приносил ей цветок или конфетку и уговаривал сходить с ним в кафе. Но бабушка не соглашалась. Как она ни отпиралась, Семь Поп приставал всё на-

стойчивее. Бабушка уже просто не знала, куда от него деваться.

И вдруг в один прекрасный день на фабрике появился новый парень. Он был из Сэффле, его определили в подошвенный цех. Хорош собой — глаз не отвести! Волосы цвета воронова крыла вьются волнами, мускулы на руках огромные, как диванные подушки. Это был дедушка.

Он тоже захотел пригласить бабушку в кафе. И бабушка согласилась, да не один раз, а много раз подряд, и не только в кафе, а ещё и в кино. С тех пор Семь Поп больше не приставал к бабушке, потому что дедушка был такой сильный, что мог голыми руками порвать подошву на мелкие кусочки.

«Отныне, — сказал как-то раз дедушка во всеуслышание, — любой человек на фабрике может говорить слово “семь”! А если кто хоть пальцем его за это тронет, будет иметь дело со мной!»

С тех пор слово «семь» говорить никому не запрещалось.

Дедушка откидывается на спинку стула и смеётся. Все вторят ему, и бабушка тоже.

Они сидят и смеются, и кажется, что всё снова как всегда. Хедвиг млеет: до чего приятно, когда дедушка такой, каким и должен быть, — сильный и уверенный в себе.

— Вот так-то, — хохочет дедушка, скрестив руки на груди. — Этот жиртрест быстро хвост поджал!

Вдруг бабушка замолкает. Смех словно застрял у неё в глотке, как затычка. Она сплёвывает булку в кулак и кладёт на стол липкий слюнявый комок.

— Что-то я наелась, — бормочет она.

Раньше бы она никогда так не сделала. Хедвиг больше не может сидеть за столом, внутри всё переворачивается.

— Можно я пойду в большую комнату? — спрашивает она и быстро убегает. Слезы подступают к горлу. Она хочет, чтобы бабушка поправилась. Хочет видеть пучок и покрашенные ногти, хочет, чтобы бабушка узнавала своих близких и не плевалась за столом, потому что это никуда не годится!

В большой комнате вся мебель старинная. Ножки стола изогнутые, а у кресел вместо но-

жек львиные лапы. Здесь уютно. Но больше всего Хедвиг обожает стеклянный шкафчик на стене. Внутри выстроились сорок восемь оловянных солдатиков. Солдатики принадлежат бабушке, в детстве ей подарил их один родственник из Германии. На мундирах золотые пуговицы. На лицах прорисованы глаза и губы. А ещё среди фигурок есть лошадка, которая тащит пушку. Бедное животное. Лошадям не нравится участвовать в войнах.

Внезапно Хедвиг забывает про слёзы. Ей во что бы то ни стало надо потрогать этих солдатиков. Это запрещено, она знает. Бабушка строго следит, чтобы шкафчик не открывали, ведь ружья могут запросто отломаться. Но теперь-то она небось ничего и не заметит?

Хедвиг тихо берёт стул и карабкается на сиденье. Ключ немного скрипит в замке. Хедвиг прислушивается, разговор в кухне идёт своим чередом.

— Это ты испёк плетёнку? — снова спрашивает бабушка.

— Нет, мамочка, это вы с папой купили в магазине, — отвечает папа Хедвиг.

И тогда Хедвиг распахивает дверцу. В шкафчике пахнет стариной. Солдаты смотрят на неё своими живыми глазами. Хедвиг берёт одного, с латунным горном, приставленным к губам.

Туууууу! — гремит горн. Это значит, что все должны идти в атаку. Солдаты с криком бросаются друг на друга и начинают стрелять. Хлещет кровь, головы летят с плеч. Лошадь отчаянно ржёт.

Тууу-тууут! Следующий сигнал означает, что битва окончена. Бойцы возвращаются в лагерь. Многие так и остаются лежать на земле. Кто-то получил увечья на всю жизнь.

Хедвиг ставит солдатика с горном на место и тянется в глубь шкафчика. Вот бы достать лошадку...

Но случайно задевает фигурку, стоявшую с самого края. Солдатык срывается и с грохотом падает на пол!

Хедвиг спрыгивает и хватается его. Сердце стучит так, что в груди почти больно от его ударов. А когда она поднимается, перед ней стоит бабушка, прозрачнее и серее тени.

Хедвиг окаменела. Она не может сдвинуться с места, не может вымолвить ни слова. Они долго стоят и просто смотрят друг на друга.

— Я устала, — говорит наконец бабушка совершенно спокойным голосом. — Пойду посплю.

— Хорошо.

Бабушка бросает взгляд на солдатика в руке Хедвиг.

— Понравилась тебе солдатики? — спрашивает она так, будто Хедвиг видит их в первый раз.

— Да.

Бабушка кивает.

— Тогда они будут твои.

— Сейчас?

— Нет, не сейчас. Сейчас я хочу спать.

И, шаркая, уходит в спальню.

— Когда ты поправишься? — спрашивает Хедвиг.

Бабушка не слышит. Дверь спальни со скрипом закрывается.

— Что же ты творишь, этот шкафчик нельзя открывать!

Из кухни прибегает мама. Она забирает у Хедвиг солдатика и ставит на место, а потом закрывает дверцу.

— Бабушка захотела прилечь, — говорит мама. — Давай-ка собираться.

Они едут в лифте, и сердце Хедвиг всё ещё колотится — как будто железо лязгает по железу. Это поразительно, что сказала бабушка, даже не верится. У папы в руках три мешка мятых рубашек. Когда они их перегладят, то снова поедут в город. И тогда, возможно, бабушке станет лучше. И тогда... возможно, думает Хедвиг, оловянные солдатики будут её.